

ПЕСНЬ БУРИ

Михаил ДУДИН

16 ноября с. г. будет сто лет, как в Санкт-Петербурге, на набережной Невы, родился Александр Блок... Сколько бурь и гроз за долгий век прогремело над тобою, Россия... Сколько людей прошло бесконечностью твоих дорог — героев, гениев, подвижников... Но живо и светло поныне имя Блока в истории России и полновзвучны в душе его поэтические строки. Все, что свершил на своем земном пути Александр Блок, было сделано во имя русской земли, во славу русской литературы, во благо русского народа. Сегодня мы открываем юбилейные блокостские публикации. Начинаем их из Ленинграда, города, который был для поэта единственной и всеобъемлющей любовью. И первое слово — поэту, Герою Социалистического Труда Михаилу Александровичу Дудину.

чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна».

Блок был птицей своей стаи. Его миром был мир высокой просвещенности. Он был рожден в семье потомственных русских интеллигентов: его дед был ректором Петербургского университета, отец — профессором права, мать — писательницей, переводчицей. Его женой стала дочь великого русского ученого Д. И. Менделеева.

Истинная поэзия — это торжество индивидуальности, а не индивидуализма. Творческая же индивидуальность так устроена, что обязательно оказывается на переднем крае жизни — душа ее может парить только на самых пронзительных сквозняках времени.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И ничего тут не поделаешь!

Розовый туманный круг «Стихов о Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта. Душа запросилась на вольную волю высшей ответственности. Двадцатитрехлетний филолог, рыцарь Прекрасной Дамы увидел то, что в конечном счете изменило его судьбу, придало ей полновесную значимость, а слову поэта — ответственность. Он увидел главное и своим прекрасным четким почерком написал: Фабрика

В соседнем доме окна желты,
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Вниз собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Он переписал это набело и поставил внизу дату: «24 ноября 1903». Это была первая ступень, с которой Блок начал подниматься к вершине своей жизни, поэзии, своей человеческой судьбы, это было время, когда уже пробуждались силы первой русской революции. Это был год Второго съезда РСДРП, съезда размежевания и создания Ленинской партии рабочего

класса. Поэт Александр Блок был далек от этих проблем, но сама правда поэзии расставляла в лабиринте его духовного мира те точные ориентиры, которые давали ему возможность в одиночку выбрать правильное направление. С мокрого и серого ноябрьского дня, когда была написана «Фабрика», сочувствие Блока стало перерастать в уверенность и убежденность. Процесс происходил медленно, болезненно, но бесповоротно, хотя мертвенный болотный мирок символизма, еще курясь, туманил его высокое окно и застила горизонт. Но просветление души, вопреки всему, шло через правду трагедии времени, и красный жесткий снег с Дворцовой площади, завываясь воронками, хлестал в его лицо и просветлял зрение, а он, Александр Блок, как никто, умел слушать ветер, не отвращая от него лица.

Он любил ходить по торцовым мостовым площадям, по тротуарам Невского проспекта, по набережным бесчисленных петербургских каналов. Шаги Блока звучали по гулким спинам мостов, по узким тропинкам петербургских пригородов и кладбищ. Он любил свой город и с каждым взглядом на него, с каждым вздохом обнаруживал новые узелки родства с его прошлым и с его будущим. Поэт жил радостью и трагедией, величием и тоской своего города. Слышал залпы его баррикад и видел красную, как знамя над баррикадой, кровь, вмерзшую в снег, затоптанную солдатскими каблуками и подкованными копытами лошадей.

Он был беспощадно правдив и верил в праздник правды. Он страдал, не показывая вида, как это подобает мужеству.

Первая русская революция, по его выражению, обнажила всю несостоятельность самодержавия, весь его «прогнивший хлев». Блок искал «дорогу к делу», мучительно искал. Он видел, «как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине». Призрачная неопределенность символизма мешала ему дышать и мыслить, верить и любить, и он все чаще стал переступать через символистские каноны. Он первый из символистов понял подвиг Максима Горького, увидел в нем пример служения народу. Блок и сам в письме к С. Городецкому говорил о том, что «искусство должно изображать жизнь и проповедовать нравственность».

Внутренняя борьба изматывала и в конечном счете просветляла его беспокойную душу:

Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!

Чтобы сказать так, нужны были сила воли и убеждение.

Александр Блок был многогранен в своей лирической стихии, и в каждой грани его таланта светилась истина, открытая поэтом для себя, она же — для самого себя поставленная веха: «человек есть будущее».

Он умел любить трогательно и пронзительно:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Это стихотворение написано в августе 1905 года после расстрела у Зимнего, после баррикад и демонстраций, на одной из которых самому Александру Блоку довелось обжечь ладони о древо с пылающим кумачом — Блок нес знамя впереди демонстрации. Что это было? Случай? Или роковое совпадение случая с убеждением? Не знаю. Но думаю, что ответ красного кумача сверкал в молодых и гордых глазах Александра Блока, как высший знак счастья, как сама судьба и вера в победу справедливой, единственно справедливой судьбы.

Блок написал стихотворение «Девушка пела в церковном хоре» как памятник и как молитву, исполненную сочувствия утратам и жертвам. Написал его как песню утешения. И она утешала, утешает и не раз еще утешит человеческие души в минуты скорби и печали.

Стихотворение было очень дорого и самому Блоку. Каждое свое публичное выступление он заканчивал именно этим, отменным какой-то особой чистотой и уравновешенностью вздохом.

И все-таки от прелести белой девушки в краме, от ее голоса поэт вышел в мир радостей земной жизни человека, вышел к «Вольным мыслям» и запел:

Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа...

«Вольные мысли», как четыре чаши отборного белого ямба стоят особняком в лирике Александра Блока и в русской поэзии. Они жизнеутверждающи по мысли и чувству, скульптурны по форме, просты святой мудростью самой природы и прекрасны ее глубинной и вечной красотой. Они пахнут прогретой июльским солнцем водой, жарким можжевелником и поюшим на гребнях дюн песком. Они бегут, как четыре волны по гладкой отмели взморья:

Соб. Россия, 1980, 2 апр, №77